

Политика объяснения и стратегия описания Бруно Латура: как писать инфрарефлексивные тексты *

Александр Широков

Аспирант, аспирантская школа по социологическим наукам,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: needeed@gmail.com

Статья представляет собой попытку интерпретации акторно-сетевой теории (ANT) Бруно Латура как записывающего устройства или, иными словами, как способа перевода мира в текстовую форму. Задаваясь вопросом о том, что значит быть акторно-сетевым теоретиком, автор показывает, что это в первую очередь означает писать специфические тексты. Если принять подобную версию того, чем является ANT, то на первый план выходит вопрос: как именно Латур предлагает нечто описывать? Его способ описания опирается на некоторую политику объяснения, которая, как и любая другая политика, строится на определенных принципах или кредо; в данном случае эти принципы связаны с влиянием семиотики и этнометодологии, а также результатами, что Латур назвал «антропологией нововременных». В данном тексте сначала анализируется, как Латур избирательно заимствует некоторые элементы семиотики и этнометодологии, разрабатывая свою политику объяснения. Затем показано, как эта политика объяснения реализуется на практике в определенной стратегии описания. Автор приходит к выводу, что политика объяснения Латура и базирующаяся на ней стратегия описания предполагает средний путь между тем, чтобы выходить на метауровень, объясняя нечто, и тем, чтобы использовать только объяснения самих акторов. Этот средний путь состоит в разработке некоторых принципов описания, которые не приводили бы ни к замене языка акторов языком социолога, ни к простому повторению языка акторов. Инфра-язык ANT содержательно ничего не говорит о мире, но определенным образом организует описание мира; это пустой шаблон, на который каждый раз необходимо заново наносить карту местности. Именно поэтому возможно и историческое, и этнографическое, и смешанное исследование в духе ANT.

Ключевые слова: Бруно Латур, акторно-сетевая теория, объяснение, описание, режимы существования, исследования науки и технологий, инфрарефлексивность

© Широков А. А., 2019

© Центр фундаментальной социологии, 2019

DOI: 10.17323/1728-192X-2019-1-186-217

* Я благодарен Андрею Кузнецову и Андрею Корбуту за ценные комментарии и порой безжалостную критику; без них эта статья не появилась бы или, по крайней мере, была бы совсем другой.

Не вера и не отчаяние. Я буду настолько агности-
ком и настолько честным, насколько это будет воз-
можно.

Бруно Латур. «Ирредукции»

Зачем нужен еще один текст, посвященный акторно-сетевой теории (далее — ANT)? Казалось бы, этому направлению посвящено уже немало работ¹, даже в русскоязычной литературе на сегодняшний день есть как общие введения в ANT (Вахштайн, 2005; Хархордин, 2008), так и подробные исследования различных проблем и аспектов этого подхода (Напреенко, 2013; Кузнецов, 2015). Тем не менее мы продолжаем задаваться вопросами: что такое ANT, что значит быть акторно-сетевым теоретиком и что для этого нужно делать. «В разных контекстах АСТ предстает то как посткритическая социология, то как космополитический проект, то как консервативная методология» (Писарев, Астахов, Гавриленко, 2017: 4). Во многом это связано с тем, что данный подход, получив широкое распространение в 1990-х (Evarts, 2011), по мнению Джона Ло, сам стал множественным (Law, 1999); ANT стала целым движением, состоящим из нескольких смежных проектов или из нескольких диаспор (Law, 1997). Парадоксально, что вся эта «мешанина» из идей, концептов и клише оказалась неразрывно связана с именем Бруно Латура: «Мы говорим ANT — подразумеваем „Латур“, мы говорим „Латур“ — подразумеваем ANT» (Кузнецов, 2013: 64). Эта плотная связка позволила некоторым авторам утверждать, что в более поздний период творчества Латур «полностью переключился» на свой новый проект — исследование режимов существования и в некотором смысле отказался от ANT (Писарев, Астахов, Гавриленко, 2017: 3). В итоге становится проблематично не только определить, что такое ANT, но и понять, какое место она занимает в проекте самого Латура.

Некоторая путаница связана уже с самим выражением «акторно-сетевая теория». По общему признанию, термин «актор-сеть» придумал Мишель Каллон в первой половине 1980-х годов, но имя «акторно-сетевая теория» далеко не сразу было принято её создателями. Каллон изначально использовал словосочетание «социология актор-сети» (Callon, 1986); Джон Ло также употреблял выражение «теория актора-сети» (Law, 1992). Латур же с самого начала говорил именно об «акторно-сетевой теории»². Различие в выражениях может свидетельствовать о различиях в понимании этого подхода. В случае теории актора-сети предполагается, что эта теория исследует какие-то актор-сети или концептуализирует их. Термин «акторно-сетевая теория» предполагает, что актор-сеть — это метод выстраивания теории, выстраивания описания. Подобная версия подтверждается тем, как

1. См., например, недавно вышедшие: De Vries, 2016; Michael, 2016.

2. Относительно других авторов Латур достаточно поздно начал использовать это выражение; впервые оно появилось в тексте 1996 года «Об акторно-сетевой теории: некоторые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями» в журнале «Philosophi» на датском языке. В том же году была опубликована и ее англоязычная версия в журнале «Soziale Welt». Однако на сайте Латура сказано, что статья была написана еще в 1990 году, о причинах задержки публикации информации нет (Latour, 1996b).

Латур представляет акторно-сетевую теорию в своем первом тексте, посвященном напрямую ей: «Этот метод говорит не о форме сущностей и действий, а о том, каким должно быть записывающее устройство, которое бы позволило подробно описать сущности» (Латур, 2017в: 185).

Однако в каком смысле об ANT в версии Латура можно говорить как о методе? Ведь Латур не предлагает какой-либо методики; как он пишет в одном из текстов, «„следуйте за акторами“ — гласит лозунг нашей социологии, но в нем не говорится, как именно нужно за ними следовать» (Латур, 2007: 91). Несмотря на свою эмпирическую направленность, ANT не представляет собой определенной, четко очерченной методики, например, сбора данных. В связи с этим в отношении нее часто возникает вопрос: «Является ли этот язык формальных реляций сугубо методологической наработкой, или же он отражает некую онтологическую действительность?» (Напреенко, 2013: 87). Последний вариант выбрал Грэм Харман в своей метафизической интерпретации ANT, предполагающей, что этот подход говорит нечто о том, как устроен мир (идеи и принципы ANT — это то, что есть в мире самом по себе) (Harman, 2009). Другой поворот, поворот к методологической интерпретации, означает что «ANT — это методологическая наработка, призванная отразить работу онтологически различных сущностей» (Ерофеева, 2015а: 30). То есть ANT не говорит ничего о том, как «на самом деле» устроен мир, но предлагает некоторые концептуальные построения, которые позволяют что-то в мире ухватить (идеи и принципы ANT — это аналитические конструкты, которые исследователь привносит в мир). Проблема обеих интерпретаций и в целом подобной постановки вопроса состоит в следующем: они предполагают, будто ANT говорит нечто о самом мире, каким-то образом его определяет, безотносительно того, так ли это на самом деле, или же это лишь аналитический конструкт. Латур, в свою очередь, постоянно занимает агностическую позицию по отношению к миру: «Мы не знаем, как устроен мир» (Латур, 2015: 40); «мы не должны верить заранее, что мы знаем, говорим ли мы о субъектах или объектах, людях или богах, животных, атомах или текстах» (Latour, 1993: 167).

Альтернативное прочтение ANT можно попытаться развернуть вокруг предположения, что эта теория ничего (или почти ничего) не говорит о том, каков мир, но указывает на то, что с ним нужно делать. Латурианская версия ANT оказывается в большей степени теорией метода (или действия), а не мира; это «способ путешествовать от одного места к другому, от одного поля к следующему, а не интерпретация того, что делают акторы, просто упакованная в более благовидный и универсалистский язык» (Латур, 2017а: 208–209). В таком случае этот подход, его язык, идеи и принципы предстают в виде инструкций — предписаний относительно того, как следует действовать. Однако сами эти инструкции носят не методический характер, предполагающий конкретную последовательность действий, а скорее, характер запретов, определенным образом организующих деятельность; это правила метода, а не руководства.

В связи с этим вопрос: что именно организуют эти инструкции, или на что направлен этот метод? Еще раз обратимся к уже приведённой цитате Латура: «Этот метод говорит... о том, каким должно быть записывающее устройство, которое бы позволило подробно описать сущности» (Латур, 2017в: 185). «Записывающее устройство» — понятие из первой крупной работы Латура в соавторстве со Стивом Вулгаром; это «любой аппарат или специфическая конфигурация аппаратов, способные преобразовать материальную субстанцию в график или диаграмму» (Вулгар, Латур, 2012: 186). Еще в своем раннем исследовании лаборатории Латур обнаружил, что практики записывания играют важнейшую роль в функционировании науки. Тексты и различные записи, например, показания приборов, результаты экспериментов и т. п., — это основной продукт деятельности ученых; сама наука оказывается машиной по производству текстов. В некотором смысле ANT — это попытка Латура создать записывающее устройство для социальных наук, иначе говоря, это метод производства или организации текста.

Теория о том, как писать текст, кажется чем-то куда менее претензионным, нежели теория о том, как устроено общество, куда движется история, или же теория, стремящаяся наделить материальные объекты способностью к действию (интенция, которую нередко приписывают представителям ANT [Ерофеева, 2015б]). На подобное пренебрежительное отношение к практике написания текстов указывает и сам Латур: «Вас учат плохо! Не учить докторантов-социологов писать диссертации — все равно что не учить химиков проводить лабораторные эксперименты. Вот почему я теперь учу только одному: писать» (Латур, 2014: 209). Вероятно, данное предубеждение относительно значения способа описания и скрывало возможность подобной интерпретации ANT. Несмотря на явную эмпирическую направленность данного подхода, Латур как-то раз даже назвал свой проект эмпирической философией (Latour, 2010)³, интерес большинства авторов приковывает, скорее, теоретическая составляющая его творчества, а не то, как он предлагает практически организовывать описание и как это делает он сам. Случай российской рецепции в этом отношении особенно показателен⁴. Однако банальное открытие — научная деятельность направлена на написание текстов — ставит под сомнение подобное отношение к практике письма. Какими бы изощренными ни были наши методы сбора данных, какой бы сложный эксперимент мы ни поставили, как бы долго мы ни прожили среди своих информантов, нам все равно придется писать об этом текст. Поэтому «никакой ученый не должен находить для себя унизительным корпеть над описанием. Напротив, это высшее и редчайшее достижение» (Латур, 2014: 192).

3. Данное выражение можно встретить и у Аннемари Мол: одно из своих исследований она назвала «упражнением в эмпирической философии» (Mol, 2002).

4. Российских эмпирических исследований в духе ANT почти нет, об этом можно судить, исходя из русскоязычной библиографии по ANT за период с 2006 по 2015 год, которую собрал Николай Руденко (Руденко, 2015).

Если принять подобную версию того, чем является ANT, то на первый план выходит вопрос: какую именно стратегию описания предлагает Латур? Эта стратегия, в свою очередь, опирается на определенную политику объяснения, поэтому, прежде чем подступиться к первому, необходимо разобраться со вторым. Как и любая другая политика, политика объяснения строится на определенных принципах, или кредо; в данном случае эти принципы связаны с влиянием семиотики Альгирдаса Греймаса и этнометодологии, а также с результатами того, что Латур назвал антропологией нововременных⁵. Как он указывает, ANT — это «наполовину этнометодология и наполовину семиотика» (Latour, 2005: 54), или «матрица из семиотики, этнометодологии, исследований науки» (Tresch, 2013: 303). Однако скрещивание этих перспектив привело к появлению специфического гибрида.

В данном тексте, с одной стороны, будет показано то, как Латур избирательно заимствует некоторые элементы семиотики и этнометодологии. Этот анализ не будет последовательным разбором влияний данных теорий в хронологическом разрезе; скорее, разворачивая политику объяснения Латюра, мы будем периодически указывать на возможные влияния, чтобы разобраться в их последствиях. Это неминуемо приведет к потере некоторой исторической конкретики. Однако в рамках данной статьи важно не то, как, когда именно, при каких условиях на Латюра повлиял тот или иной автор, но то, что это влияние может открыть для понимания ANT, какие практические последствия оно несет для данного подхода. С другой стороны, мы рассмотрим, как политика объяснения Латюра связана с его собственными исследованиями науки.

Для этого сначала необходимо проанализировать, как Латур понимает объяснение и как он описывает природу оппозиции «объясняемое и объясняющее». Затем речь пойдет о том, как эта оппозиция связана с концепцией нового времени Латюра. Далее будет проанализирована альтернатива, которую он предлагает нововременному идеалу объяснения. И, наконец, в последней части статьи мы покажем, какая стратегия описания вырастает из этой альтернативной политики объяснения.

Что такое объяснение и зачем оно нужно

Начать разговор об объяснении стоит, вероятно, с наиболее общего вопроса: что такое объяснение? В самом простом виде «оно означает установление некоторой связи между двумя списками, один из которых включает в себя набор объясняемых элементов (B), а другой — перечень так называемых объясняющих элементов (A)» (Латур, 2012б: 116). Помимо наличия такой связи необходимо учитывать ее характер, а также ее силу. В случае если она носит характер «один-к-одному», т. е. если список A повторяет список B, ничего не объясняется. Как правило, объяснение имеет место тогда, когда более чем один элемент из списка B связан толь-

5. С обоими направлениями он познакомился где-то между 1975 и 1977 годами во время своего исследования лаборатории Института Солка в Сан-Диего (Латур, 2017б: 224–225).

ко с одним элементом из списка А; в таком случае и появляется само разделение на объясняемое и объясняющее. «Политика объяснения в общем виде может быть описана следующим образом: если вы владеете элементом x из списка А, вы также овладеваете элементами x' , y' списка В. Это общее определение власти, понимаемой как в политическом, так и в логическом смысле... Один элемент может „замени- нить“, „представить“, „символизировать“ все остальные элементы, которые на деле стали второстепенными, дедуцируемыми, подчиненными или незначительными» (Латур, 2012б: 117). Социальное объяснение является разновидностью объяснения, оно использует социальное в качестве объяснительного принципа. Забегая вперед, стоит отметить, что именно поэтому для Латура социальное объяснение — «это часть проблемы, а не решение» (Там же: 122).

Подобное определение предполагает возможность некоторого измерения власти или силы объяснения: чем больше элементов из списка объясняемых можно соотнести с одним элементом из списка объясняющих, тем более властно объяснение. Максимум власти (и, как часто полагается учеными, идеальный вариант) объяснение достигает, когда все элементы списка В (в том числе те, которых еще нет) могут быть дедуцированы из одного элемента списка А. В таком случае владение одним объясняющим элементом позволяет потенциально владеть всеми объясняемыми элементами. Другая крайность этой воображаемой шкалы власти — когда элементы списка А повторяют элементы списка В, в таком случае, как правило, речь идет о литературной истории или «просто описании», которое ничего не объясняет.

Определившись с тем, что такое объяснение, необходимо задать себе следующий вопрос: когда появляется необходимость в объяснении и когда сильное объяснение оказывается более желанным? «Сильное объяснение становится необходимым, когда кто-то хочет действовать на расстоянии... Вам понадобится сильное объяснение, если вы вышли из ситуации x , но все еще хотите влиять на нее. Почему? Потому что теперь вы должны быть в ситуациях x и x' одновременно. В ситуации x вам требуется владеть некоторыми элементами или свойствами ситуации x' » (Латур, 2012б: 118–119). Концепт действия на расстоянии занимает одно из центральных мест в работах Латура периода исследований науки (Harman, 2009: 34–35). Чтобы разобраться в том, как он связан с объяснением, необходимо подробнее остановиться на этих работах.

В своих ранних исследованиях науки Латур заметил, что ученые — это «одержимые и едва ли не маниакальные писатели» (Вулгар, Латур, 2012: 183). Они постоянно все записывают и трансформируют то, что их интересует, в тексты и цифры. В дальнейшем Латур ввел различие формы и материи: «Форма становится тем, что можно перенести из x' в x ; материя — то, что не может вынести такого путешествия» (Латур, 2012б: 120). Это различие проходит у Латура по линии мобилизуемое/немобилизуемое. Форма — то, что может быть перенесено из одного материального репертуара в другой; материя — то, что нет возможности/желания/смысла/цели перенести. «Ин-формация» — это то, что циркулирует.

Направление трансформаций/мобилизаций потенциально может быть любым, нет никакой предзаданной траектории, но для науки (или режима циркулирующей референции) характерно движение в сторону текстов, что связано с практически задачами научной деятельности. Проблематично сказать нечто о реальности самой по себе, но это становится возможным в цепи переводов, благодаря которым происходит переход от одних материальных репертуаров к другим (Latour, 1999).

Чтобы изучить мир, его нужно трансформировать, изменить.

Если бы ученые смотрели на природу, экономику, звезды, органы, то ничего бы не увидели... Ученые начинают видеть что-либо только тогда, когда перестают смотреть на природу и начинают с одержимостью рассматривать исключительно распечатки и записи на плоской поверхности... «Объекты» удаляются из лабораторий или же просто отсутствуют. От кровоточащих и визжащих крыс быстро избавляются. Все, что из них извлекается, это небольшой набор цифр. Это извлечение... — все, что имеет значение. Ничего нельзя сказать о крысах, но много чего может быть сказано о цифрах/диаграммах. (Latour, 1990)

За счет этих операций ученые могут локально владеть глобальным.

Таким образом, властное объяснение не является результатом жадности власти, а следует из решения практических задач действия на расстоянии. Ученые удалены от интересующих их объектов, что приводит к необходимости мобилизации этих объектов, но те не нужны им как таковые, в своей целостности. Предположим, социологам удалось собрать всех респондентов в одном месте, но это никак не поможет им сделать какие-либо выводы об общественном мнении. В такой ситуации нет необходимости в объяснении; необходимость возникает тогда, когда, находясь в опросном центре, мы хотим владеть мнением населения целой страны. Для этого нужен ряд трансформаций, в результате которых ученые переходят от работы с населением страны к работе с массивом данных.

Эффект такой серии трансформаций подобен чуду: «владея» таблицей данных, можно владеть целым обществом, обладание лишь тенями позволяет владеть миром. Понимание объяснения как решение проблемы действия на расстоянии предполагает различие между миром и знанием или описанием. Чтобы знать, нужно объяснять, мобилизовать, трансформировать. Описание всегда удалено от практики и не может быть лишь проводником или средством переноса практики. Латур признает данную особенность текстов, и это отличает его подход от принципов этнометодологии, где, в связи с политикой уникальной адекватности методов, предполагается, что текст некоторым образом погружает читателя в практику (Garfinkel, 2002: 176). Для Латура же текст — это всегда фикция, инсценировка практики; это не означает, что текст не дает доступа к практике, просто доступ всегда некоторым образом ограничен и носит специфический характер, который задается особенностями способов переноса (например, частотой датчика, масштабом карты и т. п.).

Как возникает объясняемое и объясняющее

Понимание объяснения как решения проблемы действия на расстоянии приводит к следующему вопросу: почему существует разделение на объясняемое и объясняющее, почему существуют два списка? Как правило, предполагается, что причина/объясняющее — это нечто изначальное, и чтобы понять следствие, нужно *открыть* его причину. Данное различие рассматривается как нечто изначально существующее. Исследования науки, произведенные Латуром, показали, что «причина возникает как следствие расширения сетей и укрепления центров» (Латур, 2012б: 123). То, что в конечном итоге представляется как объясняющее, становится таковым в результате многочисленных операций, которые многократно трансформировали изначально интересующий исследователей объект. Когда же это происходит — вся цепь трансформаций забывается, а выделенная сущность признается причиной всего, что так беспокоило ученых. Благодаря этому забыванию производится разрыв между познающим субъектом и познаваемым миром, производится внешний по отношению к нам мир, и чтобы познать его, необходим «правильный» ключ.

Вера в существование подобных разрывов является специфической чертой той жизненной конфигурации, которую мы называем модерном, или новым временем, и которую Латур сделал предметом исследования в своем антропологическом проекте⁶. Именно для осуществления антропологии «наиболее современных» практик он в 1975 году и отправился исследовать лабораторию⁷. Негативная (или методологическая) часть данного проекта была заявлена в 1991 году в манифесте «Нового времени не было». Гипотеза книги состоит в следующем: «Слово „нововременное“ обозначает две совокупности совершенно различных практик... Первая совокупность практик создает посредством „перевода“ (*traduction*) такие смешения, в которые входят существа совершенно нового типа, гибриды природы и культуры. Вторая совокупность посредством „очищения“ создает две совершенно различные онтологические зоны, одну из которых составляют люди, другую — нечеловеки (*non-humains*)» (Латур, 2006: 74).

6. Задумка этого проекта возникла в 1973–1975 годы, когда Латур, чтобы избежать воинской службы, отправился работать в город Абиджан республики Кот-д’Ивуар. Там он участвовал в проекте по исследованию факторов, которые определяют неравномерное распределение профессионального успеха между выходцами из Кот-д’Ивуара и приезжими французами. Латур вспоминал: «Я сразу понял, что если при решении этой проблемы буду использовать схему борьбы между модернизацией и архаичностью, то ничего не смогу понять. Но в то же время я осознавал, что альтернативной схемы не было, так как мы не знали, как в терминах этнографии описать смысл понятий „рациональный“, „эффективный“, „компетентный“, „прибыльный“ — всех тех качеств, которые, по мнению экспатриантов, отсутствовали у коренного населения. <...> Асимметрия была ужасающей: Белые антропологизировали Черных — да, именно так, но они избегали антропологизации самих себя» (Латур, 2017б: 222).

7. Однако зарождение такого направления, как исследования науки и технологий (STS), а также сотрудничество с Мишелем Каллоном и Джоном Ло сместили траекторию самого Латура и отвлекли его от столь претензионного проекта (особенно важную роль тут сыграли споры внутри самих STS). В этом смысле проект Латура выходит за рамки исключительно STS и даже науки как таковой, а ANT — это, скорее, промежуточный, нежели конечный пункт пути Латура. Хотя, вероятно, ANT — это наиболее «STS-ная» и наиболее научная часть его проекта.

Остановлюсь подробнее на понятии перевода, т. к. это основное понятие у Латура⁸. Оно проистекает из философии Мишеля Серра, у которого перевод — это установление связи между двумя сущностями, трансформирующее обе сущности (Serres, 1983). Важно подчеркнуть, что перевод предполагает установление отношения до существования этого отношения, перевод — это всегда установление нового отношения, и потому он связан с высоким уровнем неопределенности, т. к. может кончиться неудачей.

Теоретическая модель перевода выглядит следующим образом: есть некоторый агент, имеющий определенную цель, которой он не может достичь своими силами ввиду какого-либо препятствия. В такой ситуации он может либо отказаться от этой цели, либо попытаться достичь её обходным путем (*detour*), через обращение к другим агентам, не важно, человеческим или нечеловеческим⁹. Вместе они могут либо пойти к первоначальной цели, либо выбрать другие цели. Возвращение к первоначальной цели — это лишь один из возможных сценариев (рис. 1). «Результат этих усилий нельзя предсказать заранее. Природа опосредования — неопределенность» (Кузнецов, 2012: 70).

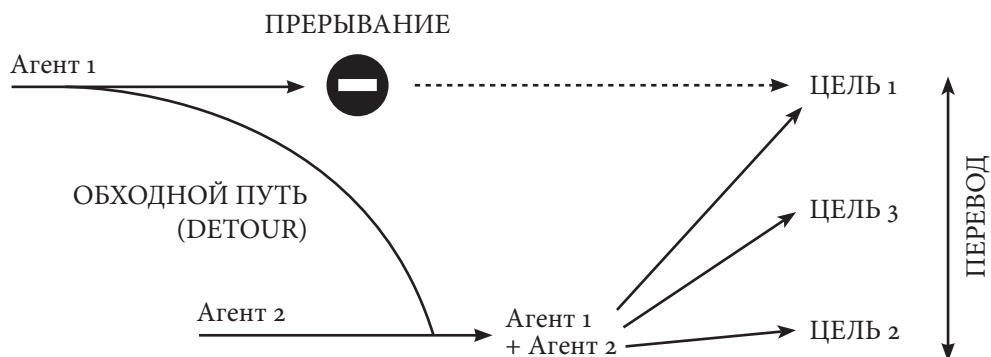

Рис. 1. Перевод¹⁰

Идея преодоления препятствия подразумевает возможность неудачи. Преодолевая препятствие и обращаясь к другим, всегда есть риск уйти совсем в другом

8. Представляя свой проект в этой работе, он пишет: «Нашим вожатым является понятие перевода, или сети. Это понятие — более гибкое, чем понятие „система“, более историческое, чем понятие „структура“, более эмпирическое, чем понятие „сложность“, — становится нитью Ариадны для всех наших запутанных историй» (Латур, 2006: 61–62).

9. Сам Латур приводит в качестве примера следующую ситуацию: «Если агент человек в порыве гнева хочет отомстить и если что-то препятствует выполнению цели агента по какой бы то ни было причине (возможно, агент недостаточно силен), тогда агент делает обход, отклонение от курса... Агент 1 обращается за помощью к Агенту 2, в данном случае к оружию. Агент 1 вербует оружие или завербован им (первое или второе — не имеет значения), и третий агент появляется из слияния первых двух» (Latour, 1994: 32).

10. Взято из: Latour, 1994: 32.

направлении от первоначальной цели. В этой связи в поздних работах Латур вводит понятие разрыва (*hiatus*), обозначающее ситуацию, когда в текущем состоянии сущность или актор существовать дальше не может, необходимо преодолеть препятствие или разрыв. Если исследователь обращает внимание на эти разрывы и на то, как они преодолеваются, это помогает ему проследить некоторую траекторию переводов/переключений/обращений сущности к чему-то еще (Latour, 2013: 39). В понимании Латура, существование — это постоянное преодоление разрывов, постоянная медиация. Понятие разрыва подчеркивает неопределенность и рискованность перехода от состояния в момент времени x_1 к состоянию в момент x_2 , а также подчеркивает, что существование не происходит автоматически, для этого необходимо проделывать некоторую работу. С этим и связан риск существования: каждая сущность находится под угрозой исчезновения, хотя сами риски и способы их преодоления различаются.

Частично идею разрыва Латур почерпнул из этнометодологии, довольно специфически прочитав работы Гарольда Гарфинкеля. Как однажды написал Латур, «гений этнометодологии берет свое начало в открытии того, что всякий порядок действия, даже самый обычный, постоянно прерывается очень маленьким разрывом, требующим от актора, оснащенного собственными микрометодами, изобретательного акта восстановления порядка. Как неуклюжий сотрудник лаборатории, я непреднамеренно умножал опыты этих „разрывов“, лишь оттенявших с таким трудом приобретенные компетенции моих товарищей» (Латур, 2017б: 226). Для раннего Гарфинкеля основанием социального порядка являются конститутивные ожидания, позволяющие воспринимать порядок как нормальный; «действие этих конститутивных ожиданий в играх или в повседневных ситуациях служит важным условием стабильных черт согласованных действий» (Гарфинкель, 2009: 20). Когда ожидания нарушаются, происходит разрыв порядка, что требует задействования методов нормализации порядка и восстановления конститутивных ожиданий. В определенном смысле Латур практиковал создание таких разрывов в своих исследованиях науки. Например, в «Лабораторной жизни» есть описание ситуации, когда некий новичок задавал ученым вопросы, ответы на которые казались им само собой разумеющимися. «С определенного момента настойчивое вопрошание новичка о „вещах, которые всем известны“ расценивалось как социально неприемлемое» (Вулгар, Латур, 2012: 214). Еще более явно этот прием используется в работе «Наука в действии», где Латур вводит риторическую фигуру спорщика, который постоянно задает ученым очевидные, с их точки зрения, вопросы. В этой связи Латур говорит о критических упражнениях (*breaching exercise*) (Latour, 1988: 208), делая аллюзию на критические эксперименты Гарфинкеля.

Таким образом, перевод предполагает, во-первых, высокий уровень неопределенности в отношении его успешности и последствий. Во-вторых, как видно из описания этого понятия, для Латура акторы не самодостаточны: ни одной сущности недостаточно самой себя для того, чтобы продолжать свое собственное су-

ществование. Вторую практику нововременных — очищение¹¹ — Латур ассоциирует с критикой, поскольку критика предполагает замену множества элементов каким-либо одним, к примеру, «капитализмом», «обществом» и т. п. Например, Луи Пастер обращался к множеству союзников — к другим ученым, гигиенистам и др., но в итоге научный прорыв был присвоен непосредственно Пастеру, хотя без всех этих союзников он бы не смог достичь таких результатов. Критика занимается очищением, устранением непосредственной работы по производству фактов и артефактов, устранением истории их создания. Практика перевода производит гибриды, практика очищения — чистые формы; она дистиллирует «то, что ей предоставляет работа по умножению гибридов» (Латур, 2006: 133).

Новое время предполагает рассмотрение этих практик отдельно и асимметрично: «Нововременные появились на свет благодаря связи, существующей между работой очищения и работой медиации, но только в первой они видят залог своего успеха» (Латур, 2006: 113). Научное объяснение представляет собой яркий тому пример. Оно методично устраняет работу, произведенную для решения проблемы действия на расстоянии, а затем приписывает всю силу элементу, который был получен в результате этой работы, как если бы этот элемент изначально и двигал весь процесс. Так появляется объясняющее и объясняемое, субъект и объект, природа и общество и другие «чистые регионы». Проблема заключается в следующем: при отсутствии адекватного представительства гибриды вырываются наружу, что приводит к последствиям, которые нельзя разрешить, разделяя такие регионы, как природа, общество, экономика, политика и т. п.¹²

Новая конституция

Предыдущее рассуждение приводит к следующему вопросу: получается, если мы хотим объяснить нечто, то нам нужна практика очищения? Не совсем. Важная часть реформы того, что Латур назвал нововременной конституцией, состоит в том, чтобы «рассматривать работу очищения в качестве частного случая медиации» (Латур, 2006: 148). Значит ли это, что Латур предлагает отказаться или даже разрушить базовые оппозиции модерна, такие как субъект и объект, природа и общество и др.? Опять же не совсем. Мы продолжаем жить в этих оппозициях, они играют важную роль в современном мире, и от них нельзя так просто отказаться. Однако Латур выделяет два способа репрезентации этих оппозиций: первый начинается с чистых регионов и учитывает только работу очищения; при втором способе очищение — это лишь конечный этап цепи переводов. «Первый способ — редукционистский, так как владеть одним элементом списка А равносильно тому, чтобы владеть всеми элементами списка В. Второй я называю не-редукционистским или ирредукционистским, поскольку он прибавляет работу редукции ко всему осталь-

11. Или всё то же «забывание» (из более ранних работ по исследованиям науки).

12. Например, в экологическом кризисе замешаны все эти, казалось бы, чистые регионы; его нельзя разрешить, оставаясь только в одном из них.

ному вместо того, чтобы вычитать все остальное, когда редукция осуществлена» (Латур, 2012б: 124).

Латур придерживается второго способа и, вопреки распространенному мнению, не стремится разрушить или отместить базовые оппозиции модерна, но «обходит их с фланга, чтобы реконституировать, или пересобрать, т.е. показать рутинные причины их возникновения, устройство и практические последствия» (Кузнецов, 2016: 44). Для этого Латур предлагает «вернуться немного назад, чтобы развернуть интеллектуальное пространство, достаточно просторное для того, чтобы в нем одновременно нашли себе место задачи по очищению и осуществлению медиации» (Латур, 2006: 135). Но что значит вернуться немного назад? Данное высказывание отсылает к методу контроверз, который является одним из краеугольных камней STS (Pinch, Leuenberger, 2006).

Метод контроверз возник в конце 1970-х — начале 1980-х годов в качестве инструмента для исследования производства научных фактов. Основная идея состоит в следующем: чтобы понять, как нечто стало научным фактом, нужно вернуться назад в момент времени, когда есть несколько конкурирующих гипотез и ученые находятся в ситуации спора относительно их истинности. Исследование необходимо начать с ситуации, где граница между истинностью и ложностью еще не установлена, и анализировать, как она возникает — как появляется асимметрия и как нечто оказывается истиной или ложью. Иными словами, чтобы понять производство асимметрий/порядка, нужно начать с симметрии или хаоса¹³.

Заострение внимания исследователей науки и технологий на ситуациях контроверзы привело к тому, что Латур назвал «счастливым крахом социологии науки» (Латур, 2014: 132). В сущности, речь идет о сильной программе Дэвида Блур, предполагающей экспансию социологии на новые земли — на содержание научного знания (Блур, 2002). Однако исследование ситуаций неопределенности сначала в лаборатории, а потом и за её пределами показало, что объективное и субъективное, факты и артефакты, причина и следствие — классические атрибуты объяснения, к которым так стремились социальные ученые — являются итогом научного процесса, а не его отправной точкой. «Заслугой исследований науки и подобных ей отраслей социологии стало то, что был поколеблен стандарт, сравнение с которым делало их маргинальными или просто „частными“» (Латур, 2014: 140). Латур берет на вооружение сам прием — не исходить из оппозиций/различий, а смотреть на ситуации, в которых эти оппозиции конституируются — и переносит его на все другие различия (человеческое/нечеловеческое, микро/макро, общество/природа и др.), тем самым перестраивая всю социальную теорию¹⁴. Именно по-

13. Частично это связано с влиянием этнометодологии, в частности, её тезиса о том, что порядок — это достижение, что порядок не объясняет действия акторов, а является практическим достижением самих акторов. В этом аспекте ANT обнаруживает «множество практических связей с этнометодологией... Универсальность или порядок — это не правило, а исключение, требующее объяснения» (Латур, 2017в: 177).

14. В некотором роде эмпирические исследования естественных наук привели к необходимости перестройки наук социальных. Вулгар в этой связи вводит понятие рефлексивной этнографии, кото-

этому социальное объяснение оказывается невозможным; социальное — это не то, с помощью чего можно объяснить нечто, но то, что само требует ирредукционистского объяснения. Разделение на природу и общество — итог пути, а не его начало, это итог очищения гибридов¹⁵.

В более поздних работах вместо контроверзы Латур начинает использовать термины «предмет беспокойства» (*matter of concern*)¹⁶ (Latour, 2005) и «вещь» (Latour, 2004b: 233). Все три выражения указывают на одни и те же ситуации неопределенности границ и исхода дела, которые становятся у Латура стратегической точкой исследований¹⁷. Поэтому он называет свой подход социологией неопределенности, социологией, которая начинает с неопределенности, начинает с отсутствия четких границ между природой и обществом и другими оппозициями модерна, но, следуя за работой перевода и очищения, приходит к определенности. Ситуации неопределенности, или контроверзы, оказываются тем самым интеллектуальным пространством, способным вместить одновременно природу и общество, субъекты и объекты и т. п. Обращаясь к этим ситуациям, мы «перестаем быть абсолютно современными» (Латур, 2006: 114).

Таким образом, Латур стремится пересобрать базовые оппозиции модерна, переосмыслить их через следование за цепочками переводов, в результате которых эти оппозиции или чистые регионы становятся возможны. Это приводит Латура к переосмыслению самого модерна и определению его как совокупности не чистых регионов или сфер, а режимов существования. Идея режима существования предполагает наличие множества материалов (ими может быть все что угодно: идеи, звезды, бумага и т. п. (Latour, 2013: 209)) и различных способов связи этих материалов. «Латура интересуют исключительно переключения, дифференциалы между материальными репертуарами, описываемые в терминах инскрипции, перевода, медиации» (Кузнецов, 2016: 46). Режим существования — это некоторый способ связи абсолютно любых материалов, и в этом смысле режим существования можно понимать как режим перевода со своими специфическими разрывами и способами их преодоления. Проект исследования режимов существования Латура — попытка выделить или классифицировать различные типы траекторий, различные типы движений между материальными репертуарами. Акторно-сетевая теория, предположительно, также является одним из режимов существования. В этой связи встает вопрос о том, как ANT соотносится с режимом науки, или

рая предполагает, что объект исследования STS имеет рефлексивное значение для самих STS (Woolgar, 1982).

15. Само слово «гибрид» не слишком удачно, т. к. предполагает, что сначала имеется нечто чистое, что затем смешивается, в то время как Латур предполагает гибридов изначально.

16. Вероятно, к термину «контроверза» в STS семантически прикрепилось прилагательное «научная», поэтому для указания на схожие ситуации за пределами науки Латур взял более гибкий термин из дипломатии. Первой версией этого понятия было *state of affairs*, как следует из черновика текста, опубликованного на сайте Латура (Latour, 2004a).

17. О перипетиях использования этих терминов Латуром см.: Кузнецов, 2015.

циркулирующей референции, который, решая проблему действия на расстоянии, производит объяснения.

Следуя за объяснениями акторов

Отказ от асимметричного рассмотрения практик медиации и очищения приводит к следующему, вероятно, решающему вопросу: «Должны ли мы что-либо объяснять?.. Ответ — „нет“, но с некоторыми оговорками... Не следует стремиться к идеалу объяснения не только потому, что он недостижим, но и потому, что он вообще не является желанной целью» (Латур, 2012б: 126). Подобно джину, который дает не то, что человек хочет, а то, что тот просит, Латур точно отвечает на заданный вопрос, но дьявол кроется в оговорках. Акторно-сетевой теоретик не должен ничего объяснять, поскольку объяснение — это не то, что исследователь привносит в мир; мир полон объяснений и без исследователя. Акторы сами способны объяснить свои действия и действия других акторов; задача ANT — следовать за этой их деятельностью. Это рассуждение подводит к главному правилу ANT: следовать за акторами.

Данное правило необходимо рассматривать в связи с понятием контроверзы/предмета беспокойства и логически вытекающим из него агностицизмом. Чтобы исследовать контроверзу, необходимо анализировать то, как формируется граница между какими-либо оппозициями, а не исходить из этой границы изначально. Эта методологическая установка в некоторой степени агностическая: мы не должны заранее полагать, что знаем, каков мир и кто его населяет. Как пишет Латур: «Мы не знаем, как устроен мир. Но это не повод не начать. Ведь другие, по видимому, это знают и постоянно занимаются тем, что определяют окружающих их акторов, то, чего они хотят, причиной чего они становятся, а также способы их ослабить или привлечь на свою сторону» (Латур, 2015: 40). Если исследователь с самого начала самостоятельно не исходит из каких-либо асимметрий (различий, иерархий и т. п.), ему приходится следовать за асимметриями, которые вносят и поддерживают сами акторы. Таким образом, следовать за актором — означает следовать за тем, что Латур в более поздних работах назвал практической метафизикой акторов. Установление метафизики — задача не исследователя, но самих акторов, они «сами устанавливают свои теории, свои метатеории и даже свои метаметатеории, акторов необходимо предоставить самим себе. Это *laissez-faire* социология» (Latour, 1996a: 170).

Практическая метафизика — это не столько строгий теоретический концепт, сколько определенная установка по отношению к акторам и миру, в чем-то схожая с требованием «уважения к изучаемому эмпирическому миру» Герберта Блумера¹⁸ (Blumer, 1969: 34). У Латура эта установка имеет различные истоки.

18. На то, что позиция Латура в целом гомологична прагматизму, указывает, например, Говард Беккер в интервью Кеннету Пламмеру (Plummer, 2003). Подробнее о сходствах и различиях между акторно-сетевой теорией и символическим интеракционизмом см.: Кузнецов, 2014.

Во-первых, понятие практической метафизики Латура является переосмыслением того, что Гарфинкель называл практическим социологическим мышлением. Если для последнего все акторы — непрофессиональные социологи (Гарфинкель, 2003: 9), владеющие методами опознания, осмысления, обнаружения социальной структуры, то для Латура все акторы — еще и непрофессиональные философы. В первом приближении речь идет об эпистемологическом эгалитаризме в отношении исследователя и исследуемых: у первого нет никаких особенных методов или способностей, принципиально недоступных вторым¹⁹. Метафизика названа «практической», поскольку разворачивается акторами не в качестве чего-то отстраненного, но всегда в связи с чем-либо конкретным: деятельностью, событиями, ситуациями, по отношению к которым акторы разворачивают определенную метафизику. Они определяют, объясняют, описывают то, что происходит в данном конкретном случае. Если этимологически метафизика — это «то, что после физики», то в данной концепции физики не существует в чистом виде как единственно верной и окончательной: всё есть метафизика. Все акторы одинаково способны разворачивать метафизику — оценки, описания, объяснения мира и других акторов. Различия между описаниями (или метафизиками) — эффект, а не изначальное свойство, они возникают в связи с теми режимами существования, в которые акторы оказались вовлечены. Любое описание — лишь одно из возможных, одно-разовая метафизика, которая может распространиться и быть принята многими акторами. Данная установка призывает изначально не разделять описания на научные/ненаучные, истинные/ложные и т. п., а вместо этого следить за тем, как выстраиваются эти различия описаний. Задача исследователя — дать метафизикам акторов раскрыться, а не ограничивать их (например, концептуализируя тем или иным образом). ANT предполагает большую свободу акторов и малую свободу исследователя; первым можно все, вторым почти ничего.

Во-вторых, идея практической метафизики связана с семиотикой Греймаса, которая фокусируется на траектории производства значения (Hoestaker, 2005). Латур заимствует данное понимание семиотики и, разрабатывая свой проект материальной семиотики, определяет её как «изучение того, как создается значение, но слово „значение“ понимается в его изначальной не-текстуальной и не-лингвистической интерпретации; каким образом прокладывается одна-единственная привилегированная траектория из неопределенного количества

19. Подобно тому, как Гарфинкель уравнивает исследователя и исследуемых в отношении наличия у них социологических способностей, Латур уравнивает их в отношении наличия способностей метафизических, перенося задачу определения того, каков мир, на плечи акторов и следуя за их «миросозидающей деятельностью». Схожий ход также осуществляют другие важные для Латура авторы Люк Болтански и Лоран Тевено, которые переносят способность критики на плечи акторов и делают её предметом исследования, таким образом переходя от критической социологии к социологии критической способности. Поэтому ANT и социологию критической способности нередко объединяют в одно направление — французскую прагматическую социологию. Томас Бенатуил выделяет следующие ее черты: плюрализм режимов действия, создание для них различных моделей систематизации, принцип следования за акторами и внимание к нечеловеческим сущностям (Bénatouil, 1999).

возможностей; в этом смысле семиотика — изучение построения порядка или прокладывания пути» (Akrich, Latour, 1992: 259). Способность прокладывать значение, вносить различие в траекторию производства значения оказывается фундаментальным по отношению к природе свойством акторов — «если какой-то актор не создает различия, то это не актор» (Латур, 2014: 183). Важно подчеркнуть, что различия, вносимые акторами, носят не когнитивный, а онтологический характер; прокладывание значений/асимметрий меняет мир²⁰. Это также означает, что любое объяснение, в том числе научное, небезразлично к самому миру (это еще одна коннотация практичности метафизики): например, жизнь микробов изменилась после Пастера.

В этой связи следовать за практическими метафизиками акторов — значит следовать за теми различиями, которые проводят акторы, например, за тем, как они различают истинное/ложное, успешное/неуспешное, природное/социальное и т. д., подобно тому, как персонажи внутри текста взаимно определяют друг друга. В семиотическом смысле следовать за акторами — значит следовать за траекторией сюжета производства научного факта, технического артефакта или чего-либо еще, следовать за тем, как акторы преломляют, смещают сюжет. Это задает важное методологическое правило: границы сюжета, разворачивающегося вокруг предмета исследования, и, соответственно, границы самого исследования задают акторы, а не исследователь. Семиотика Греймаса делает точкой фокусировки сам текст, запрещая выход за его пределы (к интенциям писателей и читателей, а также к внешним референтам); все, что нужно семиотику, есть в самом тексте, в тех сюжетных перипетиях, которые в нем разворачиваются (Греймас, Курте, 1983: 494). Подобным образом Латур фокусируется на тех перипетиях (или переводах), которые происходят между акторами, и запрещает себе выход за их пределы, например, самостоятельно приписывая им какие-либо качества или вводя какой-либо контекст, кроме того, который создают сами акторы²¹.

Итак, что же значит главное правило ANT — следование за практическими метафизиками акторов? Оно требует от исследователя определенного агностицизма: он/она не должен думать, что знает, каков мир и сущности, населяющие его; вместо этого необходимо следовать за тем, как эти вопросы проявляются сами акторы. Единственным метафизическим допущением самого Латура о мире является наличие акторов (и их практических метафизик), а все остальное необходимо оставить самим акторам. ANT является способом движения, или путешествия, между

20. Как указывает Мария Ерофеева, в ANT происходит «стирание грани между исследовательской позицией и онтологией мира» (Ерофеева, 2015а: 30).

21. Для Греймаса текст в некотором смысле содержит в себе весь мир. Подобным образом Латур рассматривал лабораторию в своей первой работе: он следовал за тем, какие связи лаборатория устанавливает с другими сущностями, как она их понимает, что входит в лабораторию и что из нее выходит. Это разновидность монадологического мышления: лаборатория оказывается монадой, преломляющей через себя весь мир, собирающей целый мир под определенным углом. В этой связи понятен интерес Латура к Тарду и различные параллели между Латуром и Лейбницем.

практическими метафизиками акторов; она фокусируется на той траектории/сюжете, которые разворачиваются вокруг и по поводу предмета беспокойства.

Таким образом, задача исследователя — следовать за практическими метафизиками акторов, не заменяя их своими, но дополняя и комментируя. Благодаря допущению, что мир уже различён (или объяснен) акторами, становится возможным объяснение социолога, поскольку для Латура объяснение исследователя всегда будет идти вместе с объяснениями самих акторов. Его подход — это не теория акторских сетей, а теория, которая выстраивается акторно-сетевым методом, то есть движется от одного актора к другому. Исследователь, как и акторы, прокладывает траекторию в процессе своего исследования, поэтому объяснение исследователя завязано на той траектории, которую он прошел, на тех акторах, между которыми он двигался. Соответственно, оно может быть проложено по-разному, и в этом смысле Латур говорит об одноразовых объяснениях: в следующий раз исследователь может проложить другой путь, в буквальном смысле обратиться к другим информантам, пойти в другие места и выстроить другое описание²². Повторение какой-либо траектории всегда вносит различие, это никогда не повторение той же самой траектории. Как пишет Латур: «Все происходит только один раз и в одном месте» (Латур, 2012а: 3).

Данный способ объяснения носит ненаучный и ненововременной характер. «Ненаучный», потому что ANT не занимается решением проблемы действия на расстоянии — она признает расстояние между ситуацией А и В, показывает, как это расстояние создается и преодолевается акторами, решающими проблему действия на расстоянии. Такой способ объяснения предполагает, что списки объясняемого и объясняющего равны, сколько одного, столько и другого, и поэтому текст в духе ANT носит характер истории, о чем речь пойдет далее. «Ненновременной», потому что он отвергает нововременную конституцию, предполагающую асимметричное рассмотрение работы медиации и очищения, а также изначальное разделение природы и общества. Этот способ объяснения отталкивается от простого тезиса: все сущности имеют историю или сюжет, давайте это и проследим. Такова та политика объяснения, на которой строится стратегия описания Латура.

22. Вероятно, в этом вопросе также имеет место влияние идей Шарля Пеги; изучением его творчества Латур занимался в студенческие годы, а в 1973 году прочитал лекцию об одном из его произведений (Schmidgen, 2014: 13). Лекция была посвящена преимущественно проблеме повторения. Повторять для Пеги — значит учреждать уникальное и особенное, придавая тем самым свежесть предыдущим актам повторения. Повторение никогда не есть точное воспроизведение предыдущего, оно скорее может быть определено как своеобразное поведение по отношению к другому событию, уникальному и неповторимому. «Как говорил Пеги, не праздник Федерации чувствуется или представляет взятие Бастилии, но взятие Бастилии заранее празднует и повторяет все Федерации; так первая белая кувшинка Моне повторяет все остальные», — пишет Делёз (Делёз, 1998: 14).

Как рефлексировать историю происхождения текста: метарефлексивность

Как пишет Латур, ANT «переносит центр тяжести теории на запись, а не на специфические формы, подлежащие записи» (Латур, 2017в: 185). Соответственно, появляется следующий вопрос: какие тексты необходимо писать, исходя из реконструированной выше политики объяснения, или как эта политика объяснения реализуется в определенной стратегии описания? Для начала еще раз подчеркнем уже высказанный тезис: любое описание есть результат множества трансформаций/медиаций/мобилизаций. Любой текст пишется в ситуации А о чем-то в ситуации В. Слегка упрощая, можно сказать, что текст является результатом множества действий его автора; подобное трудно отрицать, поскольку любой автор знает: тексты, к сожалению, не пишутся сами собой. К этой истории происхождения текста можно относиться двояко или, скорее, её можно рефлексировать двумя способами. Под рефлексивным Латур понимает «любой текст, который учитывает собственное производство и таким образом устраняет вредное воздействие на читателей, состоящее в том, что тексту верят слишком много или слишком мало» (Латур, 2012б: 128).

Первый способ, или метарефлексивность, представляет собой попытку не учитывать историю происхождения текста или сделать её неважной, используя специфические приемы, которые якобы устраняют влияние ситуации производства текста на сам текст. Формально устранить этот зазор между миром и его описанием можно двумя способами: либо устранить мир, оставив лишь текст, который тогда ни к чему не отсылает (решение деконструктивизма), либо устранить текст, элиминировать дистанцию между миром и его описанием, утверждая тем самым, что описание не транспортирует и не деформирует мир, но дает доступ к самому миру (решение этнометодологии). Согласно Латуру, метарефлексивность предполагает потенциальное неравенство способов описания перед описываемым миром. «Деррида полагает, что текст может избежать удела присутствия, а Гарфинкель, кажется, верит, что сообщение в конце концов может избежать удела отсутствия. За этими противоположными рефлексивными заявлениями стоит наивная и неукротимая вера в возможность написания более правдивых текстов» (Там же: 130).

Хотя Латур, подобно этнометодологам, утверждает, что операции, осуществляемые исследователем и исследуемыми, принципиально ничем не отличаются (Lynch, 1985: 6), все же имеются различия в том, на что эти операции направлены, в их траекториях движения, а также в ресурсах, на которые они опираются. То, что является ресурсом актора, не может быть ресурсом аналитика. Последний не может использовать различия, которыми пользуется актер, поскольку исследователя должно интересовать то, как эти различия использует актер. В связи с этим отличаются их направления движения и траектории. ANT как специфический режим существования предполагает движение в сторону ситуации предмета беспокойства, генерируя неопределенность. Наука же как режим существования

предполагает противоположное направление: ученый стремится сконструировать научный факт, упорядочить хаос. Это еще раз указывает на то, что ANT не является научным проектом в том понимании науки, которое предлагает Латур.

Цели ученого и исследователя науки различаются (хотя операции одни и те же). Повторение траектории исследуемых акторов означало бы натурализацию — стать тем, кого исследуешь; в сущности, это именно то, к чему стремится этнометодология (Garfinkel, 2002: 176). Однако для Латура это значит, во-первых, перестать быть аналитиком, т. к. став тем, кого ты исследуешь, ты отказываешься от задачи исследования, за исключением тех случаев, когда такой анализ является практической задачей акторов, но, как правило, перед участниками практики не стоит задача исследования собственной практики. Во-вторых, это означает потерю свободы движения между практическими метафизиками акторов, поскольку исследователь уже не может следовать за различиями, которые используют акторы, ему приходится самому использовать их как ресурс.

Соответственно, хотя Латур, подобно этнометодологам, говорит о том, что в самой практике (или, на языке Латура, в самой сети) есть ресурсы её описания (практические метафизики акторов), исследователь всегда некоторым образом трансформирует эти ресурсы (осуществляет перевод). Исследователь на своем пути также вступает с акторами в отношения (как это делают они сами), он не наблюдает за ними откуда-то извне. «Наблюдатель — чем бы он ни был — обнаруживает себя на равных со всеми остальными системами отсчета... Миростроитель среди миростроителей» (Латур, 2017в: 190). В этой связи Латур говорит о том, что написание текста подобно постановке эксперимента: в тексте акторы встречаются в таком составе и таким образом, что подобные встречи были бы маловероятны в мире. Точно так же в лаборатории очищаются, выделяются и перемешиваются сущности, которые могли бы не соприкоснуться за пределами лаборатории²³. «Хороший текст никогда не бывает непосредственным портретом того, что он описывает, — потому что он вообще не портрет. Он всегда часть некоего искусственного эксперимента по воспроизведению и усилению следов, оставленных испытанием» (Латур, 2014: 191). Вопрос в том, как рефлексировать эту искусственность и как писать тексты, учитывающие историю собственного происхождения.

Инфрарефлексивность и инфразык: до вместо после

Второй способ рефлексировать историю происхождения текста Латур называет инфрарефлексивностью. «Инфра»²⁴ (до) тут противопоставляется «мета» (после); это значит, что ANT занимает позицию на месте действий до того, как образуются субъекты/объекты, общество/природа и т. п., то есть ANT начинает с неопределен-

23. Схожую идею высказывает Люк Болтански, указывая, что текст — это некоторое место, где автор сталкивает акторов; тексты — это лаборатории социальных ученых (Boltanski, 2012).

24. «Инфра» буквально означает «находящееся ниже», здесь это надо понимать как происходящее прежде, до, безотносительно рефлексии.

ности/контroversы. Инфрарефлексивность предполагает следующую стратегию описания: «Если все курсируют между А и В, озабочены тем, как установить (или не устанавливая) связи, как воспроизвести (или не воспроизвести) одну ситуацию в другой, то почему бы не принять эту деятельность за нашу цель: предъявить познающего, познаваемое и работу, необходимую, чтобы разорвать или создать связи между А и В? Я называю это *не-научным* способом изучения как естественных, так и социальных наук. Я также полагаю, что это возможное определение инфрарефлексивности» (Латур, 2012б: 137). Несколько витиеватое определение, по сути, означает следующее: если у текста есть история, то именно её и нужно описать, описать тот путь, который прошел исследователь в своих поисках от начала до конца. То есть «предъявить познающего, познаваемое и работу, необходимую, чтобы разорвать или создать связи» — значит описать, как исследователь вступал в отношения с акторами, как и почему двигался от одного к другому. Отсюда и призывы Латура: «Описывайте, пишите, описывайте, пишите» то, что вы делаете и как двигаетесь (Латур, 2014: 209)²⁵.

Подобное описание не предполагает действия на расстоянии и властного объяснения, а потому не является научным, о чем речь шла выше. Тут отсутствует очищение тех переводов, которые осуществил исследователь, а значит, отсутствует единый, сильный персонаж, объясняющий всех остальных. В таком описании объяснение распределено по всему пути исследователя, оно слабо, а списки объясняемого и объясняющего оказываются равны. «Этот вид объяснения, как правило, обладает литературными чертами истории» (Латур, 2012б: 118). Последнее указывает на то, что данная стратегия описания приводит к нарративизации текста.

Тут важно заметить, что Греймас, на семиотику которого опирается Латур, понимает под нарративом любую временную последовательность действий/событий/трансформаций (Beetz, 2013: 5). Любое исследование также носит характер последовательности, т. к. исследователь не может быть сразу в двух местах, но двигается от одного к другому. Инфрарефлексивность предполагает «самоиллюстрирование вместо самореференции. Гораздо проще достичь необходимой рефлексивности, если придерживаться самоиллюстрирующих принципов анализа. Это означает, что наш рассказ не требует для себя привилегий» (Латур, 2012б: 134). То есть текст, произведенный ANT, — это иллюстрация траектории, которую прошел ANT-исследователь. Соответственно, самоиллюстрация траектории исследования также будет носить характер нарратива, некоторой последовательности. Поэтому Латур пишет, что «благодаря такой позиции мы получаем куда больше признаков хорошей истории, чем предлагают рефлексивисты» (Там же: 137).

Текст в духе ANT организован нарративно; в этом состоит важное отличие ANT от семиотики Греймаса. «Тексты семиотика, в отличие от текстов новеллиста, могут, но не обязаны быть организованы нарративно. Если новеллист ограничен

25. Этот призыв отдаленно напоминает характерное для этнографических исследований описание того, как исследователь(ца) входил в поле, с какими проблемами он/она сталкивался и т. п., хотя это лишь частичное сходство.

требованиями создания связного, внутренне реалистичного и направленного нарратива, то семиотик не связан этими ограничениями. Его работы могут быть не нарративами, но аналитическими словарями, — архитектурами, а не историями» (Кузнецов, 2018: 95). То есть семиотик может описывать нарратив ненарративно, он может двигаться по тексту в любых направлениях, перепрыгнуть в середину или конец и т. п. Однако выходя за пределы текста и двигаясь между текстами и акторами, исследователь теряет эту свободу перемещения и возможность перепрыгивания. ANT предполагает большую свободу акторов и почти никакой свободы исследователя: следуя за акторами, он зависит от них.

Одновременно с этим, прослеживая траектории акторов, исследователь прокладывает и свою собственную траекторию, сквозь пути других. В этом и состоит кредо, предлагаемое Латуром: все в мире имеет свою историю, давайте будем следовать за этой историей, но при этом будем рефлексивны тому, какую историю порождает мы сами в процессе исследования, через написание текстов, иллюстрирующих наш путь²⁶. Именно поэтому хороший ANT-текст — это текст, «который прослеживает сеть» (Латур, 2014: 181), сеть в семиотическом смысле, то есть тот сюжет или траекторию, которую прочертил исследователь в процессе исследования траекторий других акторов.

Опираясь на авторов семиотического поворота, Латур указывает, что нет никакого универсального способа связи между знаком и референтом, а значит, важно не то, какие слова используются для описания, а то, как выстраивается описание²⁷. Таким образом, критерием описания в духе ANT оказывается не использование конкретных слов, будь то актер, перевод, сеть, но определенная организация описания. Язык ANT — это инфра-язык, где «инфра» отсылает нас к ситуации «до»: до того, как проведено исследование, до того, как исследователь прошел определенный путь, есть актер, медиация, сеть и т. п.; в тексте место этих слов занимают конкретные персонажи и взаимоотношения между ними²⁸. К примеру, в работе о Пастере Латур скрещивает социологию с бактериологией: «Я говорю о пастерианцах таким же образом, каким они говорят о микробах» (Latour, 1993: 148). Он использует терминологию, встречающуюся в текстах пастерианцев; как правило,

26. Частично это связано с принципом рефлексивности Блур, которому Латур радикально следует. Изначально Блур сформулировал его следующим образом: «Социология знания должна быть рефлексивной. В принципе, ее объяснительные конструкции должны быть применимы к самой социологии. <...> Это очевидное требование, так как в противном случае социология являла бы собой опровержение собственных теорий» (Блур, 2002: 5–6).

27. Помимо этого, Латур еще сильнее нарративизирует свои тексты, сближает науку и литературу, помещая внутрь текста персонажа — наблюдателя (Latour, Woolgar, 1986), спорщика (Latour, 1988), профессора социологии (Latour, 1996a) (все это альтер эго самого Латура), — который на протяжении текста двигает повествование. Во многих его книгах буквально есть протагонист, за движением которого наблюдает читатель.

28. Поэтому Латур несколько раз сравнивал ANT с «рисованием по законам перспективы из-за особого сходства с перспективой как пустой конструкцией, строго определенной, но не имеющей иной задачи, кроме как исчезнуть, как только картине позволено развернуть собственное пространство» (Латур, 2017a: 209).

она носит несколько милитаристский характер (например, «пункт обязательного прохождения сил» и т. п.). Публичные эксперименты Пастера описываются Латуром как способ инфицировать французское общество «бациллой» бактериологии, а его лаборатория — как своеобразный «патоген», способный адаптироваться к новым условиям и распространяться всеми доступными путями.

Итак, ANT предполагает определенную организацию повествования в тексте, и важно рассмотреть, на каких принципах строится эта организация и какое практическое значение они имеют для выстраивания описания. Как уже было подчеркнуто, правило следования за актором означает следование не за актором как таковым, а за его практическими метафизиками — за различениями, определениями, оценками, которые он разворачивает. В плане организации повествования это значит, что путь протагониста (ход повествования) определяют сами акторы, они указывают, куда двигаться. Поэтому как важный критерий Латур называет следующий: «Позволяется ли понятиям акторов доминировать над понятиями исследователей, или же звучит только речь исследователя?» (Латур, 2014: 46). Данный критерий еще раз указывает на идею инфразыка: конкретные слова, используемые в тексте, задаются исследуемым случаем, а не метаязыком исследователя. Однако это не значит, что описание должно состоять из цитат акторов, самих цитат может вообще не быть. Задача автора текста — развернуть практические метафизики акторов (развернуть тот мир, который они строят), двигать повествование между ними и некоторым образом комментировать или дополнять их.

Это также значит, что автор не должен писать текст так, будто он знает, чем закончится исследуемая история. Исследование процессов конструирования научных фактов, технологических артефактов и т. п., как правило, носит ретроспективный характер, и в тексте необходимо выстроить повествование таким образом, чтобы не создавалось ощущения, будто исход истории предрешен заранее, или, по крайней мере, стоит показать, что ситуация могла сложиться иначе. То есть в тексте необходимо воссоздать неопределенность относительно возможного исхода дела; в этом и состоит практическая реализация принципа симметрии/неопределенности²⁹. Читатель не знает, куда его заведет писатель, — писатель не знает, куда его заведут акторы.

В связи с этим становятся понятны два других важных принципа организации описания. Во-первых, в тексте «все акторы не сидят сложа руки, а что-то делают. Каждая точка в таком тексте может стать точкой бифуркации, событием или источником нового перевода вместо того, чтобы переносить эффекты, не трансформируя их» (Латур, 2014: 181). ANT следует принципу «чеховского ружья»: каждый элемент повествования должен быть необходим. Каждый персонаж в тексте должен каким-то образом влиять на траекторию сюжета. «Если какой-то актер не создает различия, то это не актер» (Латур, 2014: 183), и, соответственно, его можно не включать в описание. Из этого правила вытекает другое — отсутствие «прыжков

29. Любопытно, что Дик Пелс вводит термин «симметризм» для обозначения соответствующей тенденции в целом в исследованиях науки и технологий (Pels, 1996).

и разрывов» (Латур, 2014: 285) в описываемой траектории. Речь идет о некоторой непрерывности и конкретности описания: если вводится новый персонаж/актор, то необходимо описание тех конкретных процедур и действий, посредством которых он связан с другими актерами. Автор не может по собственному желанию вводить в текст сущности, которые никак не релевантны для исследуемых акторов. Где именно сюжет заканчивается или где стоит прекратить описание, определяется практической метафизикой исследуемых акторов, тем, что для них релевантно. В одной из работ Латур достаточно четко обозначил это правило: «Как только чье-то имя было упомянуто, ты звонишь ему, договариваешься о встрече и идешь на него смотреть» (Latour, 1996a: 38). Именно акторы определяют движения исследователя, они указывают: персонаж идет, таким образом, прочерчивается актер-сеть, описание которой представляет собой текст в духе ANT.

Процесс создания ANT-текста в чем-то схож с тем, как мы пользуемся «Википедией»: мы начинаем с определенной статьи, отсылающей ко многим другим статьям, к которым мы переходим, чтобы понять ту статью, с которой начали; при этом разные статьи могут противоречить друг другу. В результате движения по ссылкам рождается траектория, которую и необходимо описать в тексте через самоиллюстрацию. Эта самоиллюстрация необязательно должна быть детальной (в смысле той детальности описания, которую можно обнаружить в описаниях этнометодологов); отдельные элементы могут быть изменены или даже приукрашены в литературных целях, но эта иллюстрация должна проследивать траекторию исследователя. Описание этого движения всегда будет локальным, одноразовым, уникально адекватным пути, пройденному исследователем в своих изысканиях, а не исследуемой практике, как в случае этнометодологии. Другой исследователь может пройти другую траекторию, и, соответственно, его самоиллюстрация будет иной, поскольку он начнет с других акторов, которые могут увести его в другую сторону. Поэтому невозможно какое-либо абсолютное описание или объяснение, подобно тому, как невозможен только один путь.

Таким образом, политика объяснения Латура и следующая из нее стратегия описания, предполагает средний путь между тем, чтобы, объясняя нечто, выходить на метауровень, и тем, чтобы использовать только объяснения самих акторов. Этот средний путь состоит в разработке некоторых принципов описания, которые бы не приводили ни к замене языка акторов языком социолога, ни к простому повторению языка акторов. Такое описание предполагает операцию дополнения или комментирования объяснений акторов вместо операции замены. Инфразык ANT содержательно ничего не говорит о мире, но определенным образом организует описание мира, это пустой шаблон, на который каждый раз необходимо заново наносить карту местности. Конкретные слова могут различаться, важна сама грамматика описания. Именно поэтому исследование в духе ANT может быть и историческим (Латур, 2015), и этнографическим (Latour, 2009), и смешанным (Latour, 1996a).

Заключение

В настоящем тексте была предпринята попытка представить ANT как метод организации описания, подвергнув историческому и концептуальному анализу политику объяснения Латура и вытекающую из нее стратегию описания. Первое не может жить без второго, ведь как бы ни был изощрен и сложен способ объяснения, он все равно реализуется в тексте через определенные литературные приемы. Проследив за перипетиями латуровской мысли, обобщим изложенное и в риторических целях зададим Латуру три основных, по мнению Иммануила Канта, вопроса философии, тем более что Латур называет то, чем занимается, эмпирической философией.

«Что я могу знать?» Лишь то, с чем я вступил в отношения, к чему я имею доступ, путь к чему оплатил ценой собственных действий. Больше никаких априорных сущностей вроде общества или социальной структуры; больше никаких литературных персонажей, с которыми взаимодействуют одни лишь социологи в своих текстах; больше никакой изощренной фантазии великих мыслителей. Я могу знать лишь то, что узнал в процессе исследования, ничего больше. Это метафизический вопрос, и при ответе на него я ограничен метафизикой тех, за кем следовал на своем пути.

«Что я должен делать?» Всего-навсего описывать этот путь, описывать то, как я двигался, выбирал следующий пункт названия, описывать тех Вергилиев, что упорядочивали мое путешествие в хаосе этого мира. Это моральный вопрос, и главными добродетелями должны стать честность в описании (честно описывай, где ты был и что видел), а также уважительное отношение к миру изучаемых акторов (уважай их слова и поступки, а не пытайся заменить своими). Это одновременно и проще и сложнее. Проще потому, что все, что требуется от исследователя, — описывать траекторию своего исследования, не прибегая к изобретению дополнительных сущностей. Сложнее потому, что эту траекторию придется проложить, то есть провести исследование.

«На что я могу надеяться?» Только лишь на акторов, на их способность прокладывать пути/значение/порядок, а также на то, что они меня куда-то приведут, куда именно, не знаю, в этом вся загадка, но надеюсь, что приведут. Это религиозный вопрос, и я верю только в то, что мир населен множеством различных сущностей со своими собственными практическими метафизиками, которые ничуть не лучше и не хуже тех, о которых столько толкуют ученые. Все остальное — вопрос исследования.

Остался еще один, возможно, самый главный вопрос, собственно, эта статья с него и началась: «Зачем нужен еще один текст, посвященный акторно-сетевой теории?» В дискуссиях о работах Латура можно заметить один парадокс: основные и, вероятно, наиболее значимые его тексты представляют собой эмпирические исследования, но большая часть споров в отношении них носит скорее теоретический, чем методологический характер. Латур известен исследованиями лаборато-

рии, деятельности Луи Пастера, технологической системы Арамис и ряда других вещей, но, как правило, обсуждается, *что* Латур делал, а не *как* он это делал, хотя для него первое неотделимо от второго. Ввиду этого понятно, почему так мало эмпирических исследований, где в полной мере реализуется потенциал АНТ. Ударившись в анализ теоретической составляющей творчества Латура, мы поразительно мало внимания уделили её практической стороне. Именно поэтому и важно исследование данного аспекта программы Латура — как он предлагает двигаться в процессе исследования и описывать это движение.

Литература

- Астахов С. С. (2015). Метафизическая интерпретация акторно-сетевой теории и ее ограничения // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. № 3. С. 118–124.
- Блур Д. (2002). Сильная программа в социологии знания / Пер. с англ. С. Гавриленко под ред. А. Толстова // Логос. № 5/6. С. 1–24.
- Вахштайн В. С. (2005). Возвращение материального: «пространства», «сети», «потoki» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. Т. 4. № 1. С. 94–115.
- Гарфинкель Г. (2003). Что такое этнометодология? / Пер. с англ. А. Корбута // Социологическое обозрение. Т. 3. № 4. С. 3–25.
- Гарфинкель Г. (2009). Концепция и экспериментальные исследования «доверия» как условия стабильных согласованных действий / Пер. с англ. А. Корбута // Социологическое обозрение. Т. 8. № 1. С. 10–51.
- Греймас А. Ж., Курте Ж. (1983). Семиотика: объяснительный словарь теории языка / Пер. с франц. В. П. Мурат // Степанов Ю. С. (ред.). Семиотика. М.: Радуга. С. 483–551.
- Делёз Ж. (1998). Различие и повторение / Пер. с франц. Н. Б. Маньковской, Э. П. Юровской. СПб.: Петрополис.
- Ерофеева М. А. (2015а). Акторно-сетевая теория и проблема социального действия // Социология власти. № 1. С. 17–36.
- Ерофеева М. А. (2015б). О возможности акторно-сетевой теории действия // Социология власти. № 4. С. 51–71.
- Кузнецов А. Г. (2012). Медиа и онтология вещей // Медиафилософия VIII. Медиафилософия: междисциплинарное поле исследований. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества. С. 65–85.
- Кузнецов А. Г. (2013). «Парадигма Латура»: история одного предательства социального конструктивизма в исследованиях науки и технологий // Векторы развития современной России: «границы» в социальных науках: Материалы XI Международной научно-практической конференции. М.: МВСШЭН. С. 62–75.

- Кузнецов А. Г. (2014). Символический интеракционизм и акторно-сетевая теория: точки пересечения, пути расхождения и «зона обмена» // Социология власти. № 1. С. 64–74.
- Кузнецов А. Г. (2015). Латур и его «технолог»: вещи, объекты и технологии в акторно-сетевой теории // Социология власти. № 1. С. 55–89.
- Кузнецов А. Г. (2016). Транспортные медиации — формы машинного и материалы человеческого // Этнографическое обозрение. № 5. С. 40–52.
- Кузнецов А. Г. (2018). Метод Латура: семиотика между литературой и наукой // Логос. № 5. С. 85–112.
- Латур Б. (2006). Нового времени не было: эссе по симметричной антропологии / Пер. с франц. Д. Калугина под ред. О. В. Хархордин. СПб.: Изд-во ЕУСПб.
- Латур Б. (2007). Об интеробъективности / Пер. с англ. А. Смирнова // Социологическое обозрение. Т. 6. № 2. С. 79–96.
- Латур Б. (2012а). Ирредукции (неопубликованный перевод). URL: https://vk.com/doc9046581_114363951?hash=7138bdb7885faf12de&dl=f4586e8cdo747a8255 (дата обращения: 24.07.2017).
- Латур Б. (2012б). Политика объяснения: альтернатива / Пер. с англ. А. Кузнецова // Социология власти. № 8. С. 113–143.
- Латур Б. (2013). Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества / Пер. с англ. К. Федоровой под ред. С. Миляева. СПб.: Изд-во ЕУСПб.
- Латур Б. (2014). Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской. М.: ВШЭ.
- Латур Б. (2015). Пастер: война и мир микробов, с приложением «Несводимого» / Пер. с франц. А. В. Дьякова. СПб.: Изд-во ЕУСПб.
- Латур Б. (2017а). АСТ: вопрос об отзыве / Пер. с англ. Н. Кочинян // Логос. № 1. С. 201–216.
- Латур Б. (2017б). Биография одного исследования: к работе о модулах существования / Пер. с англ. А. Лобановой, С. Гавриленко // Логос. № 1. С. 217–244.
- Латур Б. (2017в). Об акторно-сетевой теории: некоторые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями / Пер. с англ. А. Писарева // Логос. № 1. С. 173–200.
- Латур Б., Вулгар С. (2012). Лабораторная жизнь: конструирование научных фактов. Глава 2. Антрополог посещает лабораторию / Пер. с англ. А. Кузнецова // Социология власти. № 6–7. С. 178–234.
- Напреенко И. (2013). Семиотический поворот в STS: теория референта Бруно Латура // Социология власти. № 1/2. С. 75–98.
- Писарев А., Астахов С., Гавриленко С. (2017). Акторно-сетевая теория: незавершенная сборка // Логос. № 1. С. 1–40.
- Руденко Н. И. (2015). Российский Actor-Network-Theory, 2006–2015: попытка библиографии. URL: https://vk.com/doc57898489_437282018?hash=dd8338d66a2a14ead6&dl=56113f3d09b9cee5e3 (дата обращения: 24.01.2017).

- Хархордин О. В. (2008). Латур: практики и сети // Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. СПб: Изд-во ЕУСПб. С. 243–261.
- Akrich M., Latour B. (1992). A Summary of a Convenient Vocabulary for the Semiotics of Human and Nonhuman Assemblies // Bijker W., Law J. (eds.) Shaping Technology/Building Society: Studies in Sociotechnical Change. Cambridge: MIT Press. P. 259–264.
- Beetz J. (2013). Latour with Greimas: Actor-Network Theory and Semiotics. URL: https://www.academia.edu/11233971/Latour_with_Greimas_-_Actor-Network_Theory_and_Semiotics (дата обращения: 08.07.2017).
- Bénatouil T. (1992). Comparing Sociological Strategies: The Critical and the Pragmatic Stance in French Contemporary Sociology // European Journal of Social Theory. Vol. 2. № 3. P. 379–396.
- Blumer H. (1969). Symbolic Interactionism: Perspective and Method. Berkeley: University of California Press.
- Boltanski L. (2012). Love and Justice as Competences: Three Essays on the Sociology of Action. Cambridge: Polity.
- Callon M. (1986). The Sociology of an Actor-Network: The Case of the Electric Vehicle // Callon M., Law J., Rip A. (eds.) Mapping the Dynamics of Science and Technology: Sociology of Science in the Real World. Basingstoke: Macmillan. P. 19–34.
- De Vries G. (2016). Bruno Latour. Cambridge: Polity.
- Evarts S. (2011). Translating the Translators: Following the Development of Actor-Network Theory (B.A. Thesis). Brown University.
- Garfinkel H. (2002). Ethnomethodology's Program: Working Out Durkheim's Aphorism. Lanham: Rowman & Littlefield.
- Harman G. (2009). Prince of Networks: Bruno Latour and Metaphysics. Melbourne: Re.press.
- Hoestaker R. (2005). Latour: Semiotics and Science Studies // Science Studies. Vol. 18. № 2. P. 5–25.
- Latour B. (1988). Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers Through Society. Cambridge: Harvard University Press.
- Latour B. (1996a). Aramis; or, The Love of Technology. Cambridge: Harvard University Press.
- Latour B. (1996b). On Actor-Network Theory: A Few Clarifications plus More than a Few Complications. URL: <http://www.bruno-latour.fr/sites/default/files/P-67%20ACTOR-NETWORK.pdf> (дата обращения: 11.10.2018).
- Latour B. (1990). Drawing Things Together // Lynch M., Woolgar S. (eds.). Representation in Scientific Practice. Cambridge: MIT Press. P. 19–69.
- Latour B. (1993). The Pasteurization of France. Cambridge: Harvard University Press.
- Latour B. (1994). On Technical Mediation: Philosophy, Sociology, Genealogy // Common Knowledge. Vol. 3. № 2. P. 29–64.
- Latour B. (1999). Pandora's Hope: Essays on the Reality of Science Studies. Cambridge: Harvard University Press.

- Latour B.* (2004a). From «Matters of Facts» to «States of Affairs»: Which Protocol for the New Collective Experiments? URL: <http://www.bruno-latour.fr/node/372> (дата обращения: 08.04.2017).
- Latour B.* (2004b). Why Has Critique Run Out of Steam? From Matters of Fact to Matters of Concern // *Critical Inquiry*. Vol. 30. № 2. P. 225–248.
- Latour B.* (2005). *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. New York: Oxford University Press.
- Latour B.* (2009). *The Making of Law: An Ethnography of the Conseil d'Etat*. Cambridge: Polity.
- Latour B.* (2010). Coming Out as a Philosopher // *Social Studies of Science*. Vol. 40. № 4. P. 599–608.
- Latour B.* (2013). *An Inquiry into Modes of Existence*. Cambridge: Harvard University Press.
- Latour B., Woolgar S.* (1986). *Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts*. Princeton: Princeton University Press.
- Law J.* (1999). After ANT: Complexity, Naming and Topology // *Law J., Hassard J.* (eds.). *Actor Network Theory and After*. Oxford: Blackwell. P. 1–14.
- Law J.* (1992). Notes on the Theory of the Actor-Network: Ordering, Strategy, and Heterogeneity // *Systems Practice*. Vol. 5. № 4. P. 379–380.
- Law J.* (1997). Traduction/Trahison: Notes on Actor-Network Theory // *TMV Working Paper*. № 106. P. 1–26.
- Lynch M.* (1985). *Art and Artifact in Laboratory Science: A Study of Shop Work and Shop Talk in a Research Laboratory*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Michael M.* (2016). *Actor-Network Theory: Trials, Trails and Translations*. London: SAGE.
- Mol A.* (2002). *The Body Multiple: Ontology in Medical Practice*. Durham: Duke University Press.
- Pels D.* (1996). The Politics of Symmetry // *Social Studies of Science*. Vol. 26. № 2. P. 277–304.
- Pinch T., Leuenberger C.* (2006). Studying Scientific Controversy from the STS Perspective. URL: https://www.researchgate.net/profile/Christine_Leuenberger/publication/265245795_Studying_Scientific_Controversy_from_the_STS_Perspective/links/564a881d08ae44e7a28dcofo.pdf (дата обращения: 08.04.2017).
- Plummer K., Becker H. S.* (2003). Continuity and Change in Howard S. Becker's Work: An Interview with Howard S. Becker // *Sociological Perspectives*. Vol. 46. № 1. P. 21–39.
- Schmidgen H.* (2014). *Bruno Latour in Pieces: An Intellectual Biography*. New York: Fordham University Press.
- Serres M.* (1983). *Hermes: Literature, Science, Philosophy*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Tresch J.* (2013). Another Turn after ANT: An Interview with Bruno Latour // *Social Studies of Science*. Vol. 43. № 2. P. 302–313.

Woolgar S. (1982). Laboratory Studies: A Comment on the State of the Art // *Social Studies of Science*. Vol. 12. № 4. P. 481–498.

The Politics of Explanation and Strategy of Description of Bruno Latour: How to Write Infra-reflexive Texts

Aleksandr Shirokov

PhD Student, Graduate School of Sociology, National Research University Higher School of Economics

Address: 20 Myasnitskaya Str., Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: needeeds@gmail.com

The article is an attempt to interpret Bruno Latour's Actor-Network Theory (ANT) as a recording device or, in other words, as a way of translating the world into a textual form. In directly posing the question of what ANT is and what it means to be an actor-network theorist, the author shows that this, first of all, means writing specific texts. If we accept such a version of what ANT is, then the question is how Latour proposes to write texts. His strategy of description is based on a certain politics of explanation. Like any other politics, the politics of explanation is based on certain principles or credo; in this case, these principles are related to the influence of the semiotics, ethnomethodology, and results of what Latour called the anthropology of the modern. This text, on the one hand, analyzes how Latour selectively borrows elements of semiotics and ethnomethodology in developing his policy of explanation. On the other hand, the author shows how this politics of explanation is implemented in practice in a specific description strategy. The author concludes that Latour's politics of explanation and the subsequent description strategy presupposes an average path between two extremes. The first extreme is the output to the meta level, and the second is the use of only the explanations of the actors themselves. This middle path consists of the development of certain principles of description that would not lead either to the replacement of the language of actors by the language of a sociologist, or to a simple repetition of the language of actors. The ANT infra-language does not say anything meaningful about the world, but, in a certain way, organizes a description of the world as it is as an empty template which must be re-applied each time. It is for this reason that it is possible for historical, ethnographic, and mixed ANT-research.

Keywords: Bruno Latour, actor-network theory, explanation, description, modes of existence, science and technology studies, infra-reflexivity

References

- Akrich M., Latour B. (1992) A Summary of a Convenient Vocabulary for the Semiotics of Human and Nonhuman Assemblies. *Shaping Technology/Building Society: Studies in Sociotechnical Change* (eds. W. Bijker, J. Law), Cambridge: MIT Press, pp. 259–264.
- Astakhov S. (2015) Metafizicheskaya interpretatsiya aktorno-setevoi teorii i ee ogranicheniya [Metaphysical Interpretation of Actor-Network Theory and Its Limitations]. *Humanities of the Russian Far East*, no 3, pp. 118–124.
- Beetz J. (2013) Latour with Greimas: Actor-Network Theory and Semiotics. Available at: https://www.academia.edu/11233971/Latour_with_Greimas_-_Actor-Network_Theory_and_Semiotics (accessed 8 July 2017).
- Bénatouil T. (1992) Comparing Sociological Strategies; the Critical and the Pragmatic Stance in French Contemporary Sociology. *European Journal of Social Theory*, vol. 2, no 3, pp. 379–396.

- Bloor D. (2002) Sil'naja programma v sociologii znaniya [The Strong Programme in the Sociology of Knowledge]. *Logos*, no 5-6, pp. 1-24.
- Blumer H. (1969) *Symbolic Interactionism: Perspective and Method*, Berkeley: University of California Press.
- Boltanski L. (2012) *Love and Justice as Competences*, Cambridge: Polity.
- Callon M. (1986) The Sociology of an Actor-Network: The Case of the Electric Vehicle. *Mapping the Dynamics of Science and Technology: Sociology of Science in the Real World* (eds. M. Callon, J. Law, A. Rip), Basingstoke: Macmillan, pp. 19-34.
- De Vries G. (2016) *Bruno Latour*, Cambridge: Polity.
- Deleuze G. (1998) *Razlichie i povtorenie* [Difference and Repetition], Saint Petersburg: Petropolis.
- Erofeeva M. (2015) Aktorno-setevaya teoriya i problema sotsial'nogo dejstviya [Actor-Network Theory and Problem of Social Action]. *Sociology of Power*, no 1, pp. 17-36.
- Erofeeva M. (2015) O vozmozhnosti aktorno-setevoy teorii dejstviya [On the Possibility of Actor-Network Theory of Action]. *Sociology of Power*, no 4, pp. 51-71.
- Evarts S. (2011) *Translating the Translators: Following the Development of Actor-Network Theory* (B.A. Thesis), Brown University.
- Garfinkel H. (2002) *Ethnomethodology's Program: Working Out Durkheim's Aphorism*, Lanham: Rowman & Littlefield.
- Garfinkel H. (2009) Konceptcija i jeksperimental'nye issledovanija "doverija" kak usloviya stabil'nyh soglasovannyh dejstvij [A Conception of, and Experiments with, "Trust" as a Condition of Stable Concerted Actions]. *Russian Sociological Review*, vol. 8, no 1, pp. 10-51.
- Garfinkel H. (2003) Chto takoe jetnometodologija? [What is Ethnomethodology?]. *Russian Sociological Review*, vol. 3, no 4, pp. 3-25.
- Greimas A.J., Courtés J. (1983) Semiotika: objasnitel'nyj slovar' teorii jazyka [Semiotics: Dictionary of Language Theory], *Semiotics*. Moscow: Raduga, pp. 483-551.
- Harman G. (2009) *Prince of Networks: Bruno Latour and Metaphysics*, Melbourne: Re.press.
- Hoestaker R. (2005) Latour: Semiotics and Science Studies. *Science Studies*, vol. 18, no 2, pp. 5-25.
- Kharhordin O. (2008) Latur: praktiki i seti [Latour: Practices and Networks]. *Teoriya praktik* [Theory of Practices], Saint Petersburg: EU Press, pp. 243-261.
- Kuznetsov A. (2012) Media i ontologiya veshhej [Media and the Ontology of Things]. *Mediafilosofiya VIII. Mediafilosofiya: mezhdistsiplinarnoe pole issledovanij* [Mediophilosophy VIII. Mediophilosophy: An interdisciplinary Field of Research], Saint Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society, pp. 65-85.
- Kuznetsov A. (2013) "Paradigma Latura": istoriya odnogo predatel'stva sotsial'nogo konstruktivizma v issledovaniyakh nauki i tekhnologij ["The Latour Paradigm": The Story of One Betrayal of Social Constructivism in Science and Technology Studies]. *Vektory razvitiya sovremennoj Rossii: "granitsy" v sotsial'nykh naukakh: Materialy XI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferentsii* [Vectors of Modern Russia Development: "Boundaries" in the Social Sciences: Proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference], Moscow: MSSES, pp. 62-75.
- Kuznetsov A. (2014) Simvolicheskij interaktsionizm i aktorno-setevaya teoriya: tochki peresecheniya, puti raskhozhdeniya i "zona obmena" [Symbolic Interactionism and the Actor-Network Theory: Points of Intersection, Paths of Divergence and the "Trading Zone"]. *Sociology of Power*, no 1, pp. 64-74.
- Kuznetsov A. (2015) Latur i ego "tekhnolog": veshhi, objekty i tekhnologii v aktorno-setevoy teorii [Latour and His "Technologist": Things, Objects and Technology in Actor-Network Theory]. *Sociology of Power*, no 1, pp. 55-89.
- Kuznetsov A. (2016) Transportnye mediatsii: formy mashinnogo i materialy chelovecheskogo [Transport Mediations: Machine Forms and Materials of Human]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no 5, pp. 40-52.
- Kuznetsov A. (2018) Metod Latura: semiotika mezhduraznitsy literaturoj i naukoj [Latour's Method: Semiotics between Literature and Science]. *Logos*, no 5, pp. 85-112.
- Latour B. (1988) *Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers Through Society*, Cambridge: Harvard University Press.

- Latour B. (1990) Drawing Things Together. *Representation in Scientific Practice* (eds. M. Lynch, S. Woolgar), Cambridge: MIT Press, pp. 19–69.
- Latour B. (1993) *The Pasteurization of France*, Cambridge: Harvard University Press.
- Latour B. (1994) On Technical Mediation: Philosophy, Sociology, Genealogy. *Common knowledge*, vol. 3, no 2, pp. 29–64.
- Latour B. (1996) *Aramis; or, The Love of Technology*, Cambridge: Harvard University Press.
- Latour B. (1996) On Actor-Network Theory: A Few Clarifications plus More than a Few Complications. Available at: <http://www.bruno-latour.fr/sites/default/files/P-67%20ACTOR-NETWORK.pdf> (accessed 11 October 2018).
- Latour B. (1999) *Pandora's Hope: Essays on the Reality of Science Studies*, Cambridge: Harvard University Press.
- Latour B. (2004) From "Matters of Facts" to "States of Affairs": Which Protocol for the New Collective Experiments? Available at: <http://www.bruno-latour.fr/node/372> (accessed 8 April 2017).
- Latour B. (2004) Why Has Critique Run Out of Steam? From Matters of Fact to Matters of Concern. *Critical Inquiry*, vol. 30, no 2, pp. 225–248.
- Latour B. (2005) *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*, New York: Oxford University Press.
- Latour B. (2006) *Novogo vremeni ne bylo: jesse po simmetrichnoj antropologii* [We Have Never Been Modern], Saint Petersburg: EU Press.
- Latour B. (2007) Ob interobjektivnosti [On Interobjectivity]. *Russian Sociological Review*, vol. 6, no 2, pp. 79–96.
- Latour B. (2009) *The Making of Law: An Ethnography of the Conseil d'Etat*, Cambridge: Polity.
- Latour B. (2010) Coming Out as a Philosopher. *Social Studies of Science*, vol. 40, no 4, pp. 599–608.
- Latour B. (2012) Politika objasnenija: al'ternativa [The Politics of Explanation: An Alternative]. *Sociology of Power*, no 8, pp. 113–143.
- Latour B. (2012) Irredukcii [Irreductions] (unpublished Russian translation). Available at: https://vk.com/doc9046581_114363951?hash=7138bdb7885faf12de&dl=f4586e8cdo747a8255 (accessed 24 July 2017).
- Latour B. (2013) *An Inquiry into Modes of Existence*, Cambridge: Harvard University Press.
- Latour B. (2013) *Nauka v dejstvii: sleduja za uchenymi i inzhenerami vntri obshhestva* [Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers Through Society], Saint Petersburg: EU Press.
- Latour B. (2014) *Peresborka social'nogo: vvvedenie v aktorno-setevuju teoriju* [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory], Moscow: HSE.
- Latour B. (2015) *Paster: Vojna i mir mikrobov, s prilozheniem "Nesvodimogo"* [Pasteur: War and World of Microbes, with the "Irreductions"], Saint Petersburg: EU Press.
- Latour B. (2017) AST: vopros ob otzyve [On Recalling ANT]. *Logos*, no 1, pp. 201–216.
- Latour B. (2017) Biografija odnogo issledovanija: k rabote o modusah sushhestvovanija [Biography of an Inquiry: On a Book About Modes of Existence]. *Logos*, no 1, pp. 217–244.
- Latour B. (2017) Ob aktorno-setevoj teorii: nekotorye razjasnenija, dopolnennye eshhe bol'shimi uslozhenijami [On Actor-Network Theory. A Few Clarifications Plus More than a Few Complications]. *Logos*, no 1, pp. 173–200.
- Latour B., Woolgar S. (1986) *Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts*, Princeton: Princeton University Press.
- Latour B., Woolgar S. (2012) Laboratornaja zhizn': konstruirovanie nauchnyh faktov. Glava 2. Antropolog poseshhaet laboratoriju [Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts. Chapter 2. Anthropologist Visits the Laboratory]. *Sociology of Power*, no 6-7, pp. 178–234.
- Law J. (1992) Notes on the Theory of the Actor-Network: Ordering, Strategy, and Heterogeneity. *Systems Practice*, vol. 5, no 4, pp. 379–380.
- Law J. (1997) Traduction/Trahsion: Notes on Actor-Network Theory. *TMV Working Paper*, no 106, pp. 1–26.
- Law J. (1999) After ANT: Complexity, Naming and Topology. *Actor Network Theory and After* (eds. J. Law, J. Hassard), Oxford: Blackwell, pp. 1–14.
- Lynch M. (1985) *Art and Artifact in Laboratory Science: A Study of Shop Work and Shop Talk in a Research Laboratory*, London: Routledge & Kegan Paul.

- Michael M. (2016) *Actor-Network Theory: Trials, Trails and Translations*, London: SAGE.
- Mol A. (2002) *The Body Multiple: Ontology in Medical Practice*, Durham: Duke University Press.
- Napreenko I. (2013) Semioticheskij povorot v STS: teoriya referenta Bruno Latoura [Semiotic Turn in STS: Bruno Latour's Theory of Referent]. *Sociology of Power*, no 1-2, pp. 75–98.
- Pels D. (1996) The Politics of Symmetry. *Social Studies of Science*, vo. 26, no 2, pp. 277–304.
- Pinch T., Leuenberger C. (2006) Studying Scientific Controversy from the STS Perspective. Available at: https://www.researchgate.net/profile/Christine_Leuenberger/publication/265245795_Studying_Scientific_Controversy_from_the_STS_Perspective/links/564a881d08ae44e7a28dcofo.pdf (accessed 8 April 2017).
- Pisarev A., Astakhov S., Gavrilenko S. (2017) Aktorno-setevaya teoriya: nezavershennaya sborka [Actor-Network Theory: An Unfinished Assemblage]. *Logos*, no 1, pp. 1–40.
- Plummer K., Becker H. S. (2003) Continuity and Change in Howard S. Becker's Work: An Interview with Howard S. Becker. *Sociological Perspectives*, vol. 46, no 1, pp. 21–39.
- Rudenko N. (2015) Rossijskij Actor-Network-Theory, 2006–2015: popytka bibliografii [Russian Actor-Network-Theory, 2006–2015: An Attempt at a Bibliography]. Available at: https://vk.com/doc57898489_437282018?hash=dd8338d66a2a14ead6&dl=56113f3d09b9cee5e3 (accessed 24 January 2017).
- Schmidgen H. (2014) *Bruno Latour in Pieces: An Intellectual Biography*, New York: Fordham University Press.
- Serres M. (1983) *Hermes: Literature, Science, Philosophy*, Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Tresch J. (2013) Another Turn after ANT: An Interview with Bruno Latour. *Social Studies of Science*, vol. 43, no 2, pp. 302–313.
- Vakhshain V. (2005) Vozvrashhenie material'nogo: "prostranstva", "seti", "potoki" v aktorno-setevoj teorii [Return of the Material: "Spaces", "Networks", "Flows" in Actor-Network Theory]. *Russian Sociological Review*, vol. 4, no 1, pp. 94–115.
- Woolgar S. (1982) Laboratory Studies: A Comment on the State of the Art. *Social Studies of Science*, vol. 12, no 4, pp. 481–498.